

УДК 821.163.41

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-1-18-24

Дамьянов С. Б.

**СЕРБСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОЙНЫ: ОТ СВЯТОГО САВВЫ
ДО ПОСТМОДЕРНА**

Государственный университет в городе Нови-Сад, ул. Д-ра Зорана Джинджича, д. 2, 21000, г. Нови Сад, Республика Сербия. E-mail: koderdam@nscable.net

Аннотация. Реализация всех крупных новаций в сербской литературе начиная со средневековых (в эпоху династии Неманичей) до тех, которые пришлись на конец XX века (эпоха постмодерна), представляла собой своеобразную борьбу против старых культурных образцов. Такая борьба носила характер полемики и, хотя иногда в ней присутствовала идея определенной преемственности поколений, в отдельные периоды была поистине «военной» и тяготела к полному отрицанию всех явлений, имевших место до нее или вне ее самой. Основную идею данной работы лучше всего иллюстрирует сам факт того, что, исходя из того, что в литературе не бывает *действительно* выигранных «битв», то есть что тут все победы имеют скорее функциональный характер (как и природа самого языка искусства), в текущем контексте термин «война» мы ставим в кавычки.

Ключевые слова: история сербской литературы; культурные образцы; литературные полемики.

Damjyanov S. B.

**SERBIAN LITERARY WARFARE FROM SAINT SAVA
TO POSTMODERN**

University of Novi Sad, 2 Dr Zorana Đinđića, Novi Sad, 21000, Republic of Serbia. E-mail: koderdam@nscable.net

Abstract. The implementation of all major renovations in Serbian literature, beginning with the medieval time (at the time of Nemanjić), up to those taking place at the end of the XX century (in postmodernity), was a kind of struggle against the existing cultural patterns. This struggle represented a kind of dispute and, although it sometimes possessed an idea of certain continuity of generations, in certain periods this dispute became «militant» and was prone to a total rejection of all previous and extraneous phenomena. The main idea of this work is better illustrated by the fact that literature cannot concentrate on winning battles, in other words, all victories in literature are more of a functional character (as the nature of the language of art), thus, in the current context, we place the term «war» between quotation marks.

Keywords: history of Serbian literature; cultural patterns; literary polemics.

Идея культурных войн, ясно выраженная посредством приведенной нами выше синтагмы, присутствует в западной общественной мысли уже более века в разных ее вариациях, но всегда с одинаковым сущностным значением: столкновение разных культурных моделей, или в широком смысле цивилизаций, связанное со стремлением самоутверждения одной из них в качестве доминирующей [1]. Литературные конфликты как часть данной парадигмы являются неизбежным явлением в процессе кристаллизации, а затем и канонизации новых ценностей, поэтому они никогда не носят исключительно художественно-эстетический (или в еще более узком смысле – поэтический) характер. В зависимости от того, какой общественно-цивилизационный код возобладает

в конкретном случае и в конкретный период времени, чаще всего складывается мнение потомков относительно его «чистоты», «идеологии» и т. д.: конечно, необходимо помнить, что применительно к данной теме все эти понятия весьма абстрактны, поэтому они и даны в кавычках. В тех случаях, когда этот код очевиден и ярко выражен, не сложно определить истоки и истинный контекст определенного «литературного конфликта»; если же это не так, то довольно долго может казаться, что дело касалось лишь сугубо творческого и литературного сведения счетов восставших окраин и господствующего центра (как сказали бы представители школы формализма в России), то есть что борьба ведется преимущественно вокруг утверждения неких новых

художественных и литературных концепций в целях вытеснения старых образцов в музей истории, где им и место.

Первая большая литературная война, которую помнит история сербской культуры, была начата династией Неманичей, и ее вполне обоснованно связывают с самой значительной личностью, задействованной в этом процессе, – со святым Саввой. Действительно, слово *помнит* в предыдущем предложении лучше всего говорит о природе битвы, которую вели Неманичи во главе со святым Саввой; результатом ее стало то, что сегодня почти ничего не известно о сербском творчестве до прихода к власти Неманичей (не только в сфере искусства, но и в области духовной деятельности в целом), а оно несомненно имело место, ведь сербы прошли этап родоплеменной организации общества и создали государство (даже королевство) намного раньше начала владычества этой самой славной сербской династии. Таким образом, литературная война, которая пришлась на конец XII и начало XIII века, представляла собой не только становление новой редакции сербскославянского языка в качестве (официального) богослужебного и литературного феномена, но и уничтожение предшествующей традиции или традиций; неважно, относилась ли она к языческим, альтернативно-христианским (например, богомилским) или православным движениям в период власти других династий. Можно сказать, что уже тогда была создана парадигма, которой сербская культура будет в максимально возможной степени следовать и в будущем, – парадигма, которую мы могли бы художественно выразить изречением *историю пишут победители*, парадигма ревизии истории современниками. Интересно и весьма характерно, что в эпоху Неманичей народная литература также находится вне официальной культурной системы, и это продолжается вплоть до начала деятельности Вука Стефановича Караджича, когда она, может быть, именно в силу исторических причин (своего рода обратный эффект), переживает преувеличенную ценностную и всевозможную иную абсолютизацию.

Очевидно, что святой Савва (в миру Растко Неманич) руководствовался державно-созидательными мотивами во время борьбы за автокефальность сербской православной церкви, а также за книги, которые были бы свидетельствами этой автокефальности, будучи написаны в сербской редакции старославянского, и главные их герои – это, в основном, личности из сербской политической истории (эпохи династии Неманичей) или связанные с сербскими

территориями святители. С другой стороны, подобная реформа языка позволила сделать религиозную мысль близкой не только элите, но и широким слоям населения, поскольку была действительно направлена на «осовременивание» старого (периода Кирилла и Мефодия) литературного языка на основе народного наречия того времени. Благодаря проработанности, бескомпромиссности и эффективности литературной войны святого Саввы, как и борьбы, которую его владетельная семья вела против разных «ересей», сербам в наследство осталась прекрасная средневековая литературная традиция, но также и неясные догадки о традиции, которая наверняка существовала до нее, той, чье наследие последующие поколения реконструировали с большим трудом и в основном опосредованно. В то же время в ходе данного процесса сербская культура установила глубокие и устойчивые связи с византийским цивилизационным окружением, что сделало ее частью самых прогрессивных европейских течений эпохи, лелеявших античную традицию, благодаря которым в Средиземноморье и Западной Европе в конце средних веков зародился и распространился Гуманизм и Ренессанс.

В любом случае остается открытым вопрос об истинном лице сербской литературы до XII века, причем не только той, что была написана в духе христианской культурной системы, но и устной (народной), которая в гораздо большей степени вобрала в себя и сохранила аутентичные дохристианские корни; в конце концов, дефицит относящихся к данному вопросу ранних сербских текстов, тематически или каким-то другим образом связанных с язычеством, не означает, что в тот период их не существовало! Византийские источники (самые достоверные из них – документы царя Константина VII Порфирогенита), в которых уже в конце IX века упоминается «крещеная Сербия» [8, с. 152], не дают определенных свидетельств о ее культурной и литературной жизни (что, возможно объясняется миссионерской идеологией, которую как раз в это время Кирилл и Мефодий укореняли среди славян), хотя такая жизнь должна была присутствовать хотя бы в меру, обусловленную самим христианством (а мера эта была весьма существенной). Также более чем ясно, что настолько эффективное литературное (и не только литературное) *обновление*, которое проводили Неманичи, а с конца XII века – настоящая «литературная (и культурная) война» – не были бы возможны, если бы в предыдущем периоде христианский цивилизационный код не

проник так глубоко в сербское национальное существо; подобно этому, и византийская буквенная система в то время никоим образом не могла бы так прочно соединиться с существующим наследием – неважно, посредством ли продуктивного синтеза или посредством конфликтной («военной») парадигмы. В подтверждение данному тезису еще раз озвучим факт, что после святого Саввы именно народное (устное) литературное творчество было нежелательно и маргинализировалось всеми возможными способами. Скорее всего, это происходило именно потому, что в ранних веках такое творчество имело большее влияние и большую популярность по сравнению с так называемым церковным (то есть письменным, основанным преимущественно на восточно-христианском каноне, который станет существенной чертой всего сербского средневековья) [2, с. 32-51].

И хотя сегодня не представляется возможным рассмотреть свидетельства другой стороны, потерпевшей поражение (или нескольких потерпевших поражение сторон), все же некоторую информацию о *первой сербской литературной (и культурной) войне* можно получить опосредованно, путем изучения богомильских литературных памятников, апокрифов и, в целом, через посредство скрытой и явной (озвученной) полемики, которую духовная элита эпохи Неманичей вела с инакомыслящими. В самой ранней фазе из жития самого основателя династии Стефана Неманя и его сына святого Саввы видно, что действительно суровая борьба велась с богомилами, чье духовное присутствие – как письменное, так и устное – было весьма сильно выражено в сербских землях; позднее им на смену пришли другие виды «ереси» (такие как исихазм и другие), но в тот период литературно-религиозные компании уже не имели своего первоначального жесткого характера, так как святосавский канон стал институтом и крепко укоренился в сербской культуре (переплетаясь даже с «нежелательным», народным). Масштаб реформаторского движения, которое святой Савва (Неманич) организовал в конце XII и начале XIII века, стал очевиден (как в литературном смысле, так и в более широком значении) именно в период, когда сей неприкосновенный канонический образец подвергся сильнейшему давлению при столкновении с полностью чуждой ему исламской матрицей, которую принесло с собой турецкое освоение Балкан. Сербская средневековая литературная и культурная традиция преодолели эту угрозу и даже

продолжили свое развитие (хотя оно уже скорее было анахроничным, по большей части сводившимся к переписыванию, и лишь в незначительной степени креативным) благодаря непоколебимому фундаменту, заложенному теми самыми спорными основами – идеологией, которая в «литературной войне» Неманичей носила *религиозный характер*.

Следующим серьезным (но и намного более радикальным) испытанием станет совершенно иная, нежели прежде, угроза вытеснения этих фундаментальных основ не некоей чуждой идеологией, имеющей *между тем* такой же (религиозный) код, как, например, в ситуации с расширяющимся исламом, по отношению к которому естественным образом развилась устойчивая позиция самозащиты, причем весьма успешной, принимая во внимание то, что неприятельская цивилизация также имела конфессиональную ориентацию (нужно напомнить, что Коран признает Иисуса пророком). Намного большую угрозу и намного более деструктивный процесс представляла собой секуляризация культуры и общества, которой после Великого переселения сербов подвергнутся, хотя и почти неприметно поначалу, сами ее основы. Тогда, в самом конце XVII и начале XVIII века, большая часть сербской элиты впервые окажется за пределами византийского цивилизационного круга или, по крайней мере, за пределами того круга, который в коллективной памяти идентифицировался как таковой: средневропейское и западноевропейское пространство после Возрождения уже давно имело отличные культурологические шифры, в которых религия отнюдь не была доминантой (особенно по сравнению с тем, как она доминировала в восточном христианстве). Тогда сербская литература, искусство и общество в целом удивительно быстро и качественно приспособились к новым условиям, не отказавшись при этом от преемственности с предшествующей традицией (в качестве примера мы можем привести Венцловича или первых сербских художников, работающих в стиле барокко), при этом данная традиция с течением времени все больше воспринималась как *непродуктивно-респектабельное* прошлое, которому суждено быть стертым волнами необходимого осовременивания. Йован Скерлич в начале прошлого века назовет этот процесс необходимой *модернизацией* и будет рассматривать его как интенцию, стабильно актуализированную у сербов в период от барокко и Просвещения до его времени.

Так путем диахронного анализа мы неминуемо приходим к Доситею Обрадовичу:

нельзя сказать, что он первым сделал решительный шаг в сторону секуляризации литературы и культуры (в данной области внес заметный вклад и разработал серьезную концепцию его великий предшественник Орфелин, сохранились свидетельства и о более ранних попытках в этом направлении), однако деятельность Доситея Обрадовича осталась в истории как наиболее успешная, поскольку он последовательно, даже в частной жизни, до самой своей смерти был полностью независим от церкви. Его публикой и его меценатами были представители сербского городского класса XVIII века, а его культурная идеология была сообразна потребностям и идеалам данного социального слоя. «Война», которую вел Доситей Обрадович, прежде всего была направлена против конфессиональной концепции образования, культурной идеологии и художественного творчества: вопреки основанным на стереотипах, сложившихся в научной литературе, утверждениям, устная народная традиция не была ему чужда (что мы видим на примере его поэзии), хотя, в соответствии с духом актуальной в то время *критической этнологии* просветительского движения, он имел предубеждение по отношению к некоторым аспектам данной традиции [6, с. 545-555.]. Однако проистекающее из рациональной философии Просвещения дистанцирование от феномена «народного» не сделало Доситея Обрадовича чрезмерно большим его противником; даже больше: его программа во многом подразумевала специфический *общенародный* характер – начиная от образования, затем через литературу и язык, всё, до самых глобальных реформ институтов общества. Можно даже утверждать, что «литературная война» Доситея Обрадовича (в которой его союзниками и последователями были лучшие представители той эпохи) представляла собой идеальную подготовку к грядущей и гораздо более радикальной войне Вука Караджича; несмотря ни на что, их подходы являлись «...двумя дорогами, которые к одной цели ведут...», как поэтически выразился (хотя и совсем по другому поводу) Лукиан Мушички, с большим уважением относившийся к обоим упомянутым нами культурным реформаторам.

Вопрос о преемственности, или, вернее сказать, об отсутствии преемственности с предыдущим культурным и литературным наследием, и здесь, как злой рок, навис над программой Доситея Обрадовича, в остальном весьма прогрессивной. Подразумевало ли новаторство этой программы необходимость острого разрыва с частью того наследия, которое

уже было *историческим* и, говоря искренне, представленным фрагментарно (преимущественно в церковных кругах) – в отличие от народной культуры, которая всё еще была *живой традицией*, целостно присутствующей в сербском обществе, и не только в сельской, но и в городской среде: вспомним, например, феномен «гражданских» рукописных песенников, которые внесли весьма значительный вклад в дело сохранения песен, пословиц и т. д.? В любом случае, хотя Доситей Обрадович не руководствовался теми же самыми мотивами, что и его великий предшественник святой Савва, однако с типологической точки зрения их намерения были идентичны: дать «новое цивилизационное начало», причем один из самых знаменитых сербских просветителей это осуществил именно посредством развенчивания святосавской идеологии, противопоставляя ее поздним (относящимся к XVIII веку) течениям актуальные тогда ценности западноевропейской философии. Мы говорим: *противопоставляя и поздним* (таким образом, не актуальным для *нового* времени) течениям, так как в понимании секулярного духа культуры Доситея Обрадовича отрицаются не былые ценности, значение и смысл святосавства как доминирующего духовного кода периода Неманичей, а анахронизм в Век Разума; поэтому он и сам объявил, что реформа направлена на *развенчивание*, а не на возможное отрицание того, что воспринимается как *исторически* целесообразное.

Поскольку вся эпоха Просвещения преимущественно связана с Западной Европой, то и «литературную войну» Доситея Обрадовича мы можем рассматривать как первую попытку *европеизировать* сербскую культуру – в том смысле, как это понимали интеллектуалы раннего модерна в начале XX века (Богдан Попович, Скерлич и другие) и их последователи в конце XX и начале XXI века. Именно тогда сформировалось противоречие, которое в Сербии остается не разрешенным и сегодня: понимание «европейского» как западного способствовало перманентной духовной провинциализации, так как маргинализировало ту старую европейскую традицию, носителем которой была Византия и которая была актуализирована «Византийским Ренессансом» (частью которого была и Сербия). С другой стороны, современный Запад свои начала берет именно оттуда (из византийской культурной сферы), о чем мы уже говорили выше и что в последние десятилетия в мировой науке является неоспоримым. Рассматривал ли Доситей Обрадович это наследие как основы западноевропейской модернизации, принимая во внимание то, что известнейшие корифеи

Просвещения (например, французские энциклопедисты) воспринимали Античность как свою прародину, и притом он и сам имел весьма важные труды в этой области [7]? Каков бы ни был *настоящий* ответ на данный вопрос, он никоим образом не является простым и однозначным (в отличие от преобладающего канонического и идеологического). Тут фактом остается то, что реформы Доситея Обрадовича являются настоящей «литературной войной» против церковной культуры, а в какой-то степени и против доминирования духа религии в целом, и в этом смысле она была уникальна и, наравне с предыдущей «литературной войной» Неманичей (святого Саввы), намного интенсивнее детерминировала литературную и цивилизационную прерывистость, чем усиливала линию сербской исключительно устойчивой приемственности в данном контексте.

Вскоре после этого Сербию потрясет новая великая *литературная война*, и здесь мы опускаем кавычки или какое-либо другое указание на использование этого термина в необычном значении, ибо такое название дали сами участники продолжавшейся в течение нескольких десятилетий борьбе идей и реформ Вука Стефановича Караджича [3]. В отличии от стереотипной и недалекой (но при этом канонизированной) точки зрения о ярко выраженной автохтонности и национальных основах деятельности Вука, они базируются на идеях ведущих культурологических движениях Западной Европы того времени (как немного раньше и основы движения Доситея Обрадовича); поэтому оно также может рассматриваться как своеобразное «европеизирование» сербской литературы, но такое, которое на первый план вместо концепции ученого просветительства ставит теорию Жан-Жака Руссо и Джона Хейдера о «природной», т. е. *народной* культуре. О том, какое влияние оказали на Вука Караджича данные концепции, известно достаточно (особенно о роли словенского лингвиста Ернея Бартола Копитара в начале) [4], хотя вплоть до наших дней исследователи большее внимание уделяли именно европейской направленности его миссии – без которой не было бы самой миссии! В то же время от схожих интенций романтизма в других культурах его отделяет радикальный разрыв с традицией, который сербской литературе до крайности сузил горизонт обозрения собственного прошлого, так что наши писатели (и читатели) долгое время не воспринимали в качестве собственного наследия авторов, которые в действительности были их предшественниками и которые были создателями

романтизма периода Вука Караджича, а в какой-то мере и позднего Просвещения. Общепринятая точка зрения здесь и сегодня существенно не изменилась, кроме взглядов тех, кого отличает незаурядная эрудиция (например, Црнянского, Настасиевича или Павича в минувшем веке); вред этого очевиден, поскольку в части и частного, и коллективного литературного опыта сербская культура лишилась интенсивной связи с креативной мощью старых языковых слоев, художественных моделей и стилей, которые они сформировали. Таким образом, из-за того острого сечения, которое реформа Вука Караджича произвела в области языка и в области литературы, сербы оказались лишены целостности собственной традиции в культурном (под)сознании, что совершенно немыслимо для других народов: к примеру, любой итальянец без сомнений отнесет к своему наследию и Данте, и Петрарку, и Боккачо, и Таса, и Марина, как и романтиков, и произведения, относящиеся к народному (устному) творчеству...

С другой стороны, очевидный вклад литературной и культурной войны Вука Караджича заключается в том, что впервые *народное* у сербов получило наивысшую и актуальнейшую цивилизационную легитимность, что позволило ему в течение следующих десятилетий прочно войти в самые широкие сферы общественной жизни Сербии. Необходимо обратить внимание на тот факт, что после Вука Караджича и его последователей «вуковцев», которые, используя алиби филологической критики, радикализировали идеи своего учителя, феномен народного к концу XIX века приобретает смысл намного шире литературного и художественного и становится в большей степени идеологическим (даже в политическом смысле данного понятия), что продлится вплоть до новейшего времени [5]. Возможно, введение народного языка и не является самым устойчивым результатом этой реформы, особенно если принять во внимание, что сама практика довольно быстро превзошла идиому Вука Караджича (как разговорную, так и литературную); образно выражаясь, данная война сделала *народ* и *народное* основной мерой явлений, прежде всего лингвистических, но также и эстетических, затем общественных, культурологических и т. д. Именно так необходимо понимать точку зрения о том, что секуляризация сербского общества, начатая трудами Доситея Обрадовича, завершилась победой движения Вука Караджича, последствия которой были революционными, в отличие от последствий первой сербской «литературной

войны» (Неманичей), хотя эффективность устранения предшествующих и параллельных течений была несравнимо меньшей, но не в силу толерантности самих деятелей, а из-за модернизации цивилизационных парадигм, которые больше не позволяли с такой легкостью «стирать следы» чего-либо... По меньшей мере, галактика Гутенберга уже давно стала реальностью, так же как и положительная роль сербской православной церкви в деле сохранения национальной идентичности на протяжении веков, проведенных под чужой властью (турецкой, австро-венгерской и т.д.), стала неоспоримой, поэтому любая секуляризация могла иметь лишь ограниченный характер, как будет иметь и в современности.

Поствуковские культурные и литературные войны в идеологическом смысле получили продолжение в виде враждебного противостояния движений «Сербия на Восток» – «Сербия на Запад» (Светозар Маркович, Богдан Попович, Скерлич и другие), однако они не имели таких глубоких поворотных последствий, как описанные выше. Как и раньше, главная проблема заключалась в том, что заключенные в кавычки направления воспринимались как неразрешимый конфликт, при этом считается, что исключительно форсирование его западного аспекта приведет к прогрессу, модернизации, «европеизации». Нужно признать, Вук Караджич прекрасно сумел встроить национальную идентичность, хотя и не полностью, а лишь преимущественно фрагменты, относящиеся к народной устной культуре, в главные европейские цивилизационные течения своего времени (эпохи романтизма). Однако последователи понимали его идеи еще более фрагментарно и не толерантно по отношению ко всему Иному; поэтому вопрос преимущества с традицией периода времени до реформ Вука Караджича не поднимался всерьез в следующие сто лет. Может быть, это является причиной того, что «литературные войны» в конце XIX и начале XX века имели ограниченный масштаб и эффекты, строго говоря, не совсем внешние, но в действительности актуальные только в узкой сфере литературы, искусства и культуры. Это не означает, что их идеологическая подоплека не была жестока, но по сравнению с тремя предыдущими сербскими «литературными войнами» (святого Саввы, Доситея Обрадовича и Вука Караджича) доминантно она существовала вне и помимо матрицы языка и культуры, то есть не была прочно интегрирована в нее.

Однако в период Второй мировой войны произошли значительные перемены, и искусство и

идеология снова оказались связаны прочными узами (почти как в средние века, за тем лишь исключением, что теперь речь шла не о религиозной, а об исключительно политической идеологии). Затем, начавшись в 30-х годах прошлого века и достигнув кульминации в 50-е годы, знаменитый конфликт среди левых, хотя и был инициирован югославскими коммунистами, повлек за собой судьбоносные последствия для сербских писателей и интеллектуалов – тогда, после знаменитого третьего съезда Союза писателей Югославии в городе Любляна в 1952 году, официально (на государственном уровне) было провозглашено, что искусство не обязательно должно выполнять политическую и идеологическую функцию (данное решение официально считается основой значительной либерализации культуры и литературы). Вопрос преимущества или ее отсутствия после этого предстал совершенно в новом свете: именно «либертарианское», проевропейское (то есть прозападное) течение вернуло сербской культуре наследие, которое было «временно» забыто на волне литературно-филологической революции Вука Караджича! В 60-е и 70-е годы писатели и историки, такие как В. Поп, М. Павлович, М. Селимович, М. Павич, М. Попович, Д. Богданович и другие, серьезно переоценили и по-новому интерпретировали (в эссе, антологиях и научных трудах) сербскую средневековую литературу, литературу барокко, классицизма и романтизма и представили полный, целостный и комплексный взгляд на сербскую литературную традицию и ее цивилизационный контекст. Возможно, именно тогда путь синтеза национального и универсального, основы которого частично были заложены еще святым Саввой и Вуком Караджичем, в полной мере продемонстрировал свой продуктивный потенциал, благодаря чему появились поэты, писатели и драматурги поистине мирового значения? Во всяком случае, период, о котором идет речь, является одним из самых выдающихся (а можно сказать и, без сомнения, самым *представительным*) во всей истории сербской литературы...

Новая глава в истории «литературных войн» начнется на изломе тысячелетий полемикой постмодернистов и «традиционалистов»: тут кавычки указывают на относительность данного определения, хотя противники постмодерна с удовольствием сами себя так называли. Серия эссе и текстов в «Литературной газете» в 1996 году открыла ясную политическую (а также широкую идеологическую) подоплеку сугубо поэтической, на первый взгляд, борьбы; тогда, и особенно впоследствии, позиции ее участников не были

просты, хотя культурологический регресс данного процесса был весьма предсказуем: синтез, который сербскую литературу в предшествующий период вывел в ранг мировой, отошел на второй план, в то же время выявился недостаток понимания и практики использования этого самого креативного, самого аутентичного и единственно *реального* (универсального, а не локального) наследия в ХХI веке. Политически и поэтически выражаясь, ни постмодернисты не были убежденными сторонниками мондиализма и цивилизационными апатридами, ни «традиционалисты» не были истинными хранителями национальной идентичности и наследия (того, которое переоценено в предшествующем периоде). Всё это стало еще очевиднее, когда в свете нового миллениума данная «литературная война» (конечно, не только она) породила культурное и идеологическое противостояние так называемых Первой и Второй Сербии, то есть тех, кто старается позиционироваться как евроскептики, и сторонников евроинтеграции, которые западные ценности ставят во главу угла. В этой борьбе, которая всё еще продолжается, литература сама по себе всё больше материализуется, а взаимоисключаемость позиций делает невозможным какой-либо новый синтез, в рамках которого культивировалось бы уважение к сербской литературно-художественной и культурной традиции именно как к важной части европейской и мировой (что на самом деле так и есть). Существует ли какой-либо иной *действительный*, а не воображаемый путь сегодня, в эпоху галактики Гейтса, когда основная часть мира в большей или меньшей степени превращается в «глобальную деревню» Мак-Люэна? Или же сербы обречены целиком повторять урок тысячелетней истории, для того чтобы вернуться к ее истокам, которые позволили им так мощно заявить о себе как об аутентичном народе и не только стать украшением большой мировой сцены, но и дать ей некоторых из важнейших актеров драмы под названием История Цивилизации...

Перевод Ряпухиной В. Н.

Литература

1. Антониц, С. Введение в социологию культурной войны // *Летопись Матицы Сербской*. 1890. Кн. 492. Ч. 4. С. 439-445.
2. Богдановић, Д. *Историја старе српске књижевности*. Београд, 1980.
3. Даничић, Дж. Рат за српски језик и правопис. Београд, 1847.
4. Добрашиновић, Г. *Труд Копитар и Вук*. Београд, 1980.
5. Јовановић, М. *Језик и друштвена иапорија*. Културно историјски оквири полемике о српском књижевном језику. Београд, 2002.

6. Павић, М., Рађање нове српске књижевности (Историја српске књижевности барокног доба, класицизма и предромантизма). Београд, 1983.

7. Стојановић, М. *Доситеј и Античност*. Београд, 1972.

8. Чиркович, С.М. *История Сербского народа*. Ч. I. Белград, 1981.

References

1. Antonic, S. Introduction to the Sociology of Culture War. *Annals of Matica Srpska*. 1890. Kn. 492. Part 4. Pp. 439-445.
2. Bogdanović, D. *History old Serbian Literature*. Belgrade, 1980.
3. Daničić, Dz. *The war for Serbian Language and Spelling*. Belgrade, 1847.
4. Dobrašinić, G. *Trud Kopitar and Vuk*. Belgrade, 1980.
5. Jovanović, M. *The Language and Social Contradictions. Cultural and Historical Frameworks of Disputes over the Serbian Language*. Belgrade, 2002.
6. Pavic, M., *The Birth of the New Serbian Literature (History of Serbian Literature of the Baroque Era, and of Pre-Classicism)*. Belgrade, 1983.
7. Stojanovic, M. *Dositej and Antiquity*. Belgrade, 1972.
8. Chirkovich, S. M. *The History of the Serbian People*. Part I. Belgrade, 1981.

ОБ АВТОРЕ:

Дамьянов Сава Б., доктор филологических наук, профессор, кафедра сербской литературы, Философский факультет, Государственный университет в городе Нови-Сад, ул. Д-ра Зорана Джинджича, 2, 21000, г. Нови-Сад, Республика Сербия, E-mail: koderdam@nscable.net.

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра стратегического управления, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, ул. Костюкова, 46, г. Белгород, 308012, Россия; кафедра культурологии и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: viktorer_r@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sava B. Damjanov, Doctor of Philology, Professor, Department of Serbian Literature, Faculty of Philosophy, University of Novi Sad, 2 Dr Zorana Đinđića, 21000, Novi Sad, Republic of Serbia. E-mail: viktorer_r@mail.ru

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia; Department of Cultural Studies and Political Science, Belgorod State University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: viktorer_r@mail.ru